

Новая Польша 6/2016

0: Крещение как Евросоюз

— *Профессор, что же, собственно, произошло в 966 году?*

— Очень трудно назвать это крещением всей Польши, тогда крестились только князь и его двор. И то не весь. По сути дела Польша тогда впервые вошла в Европу. X век был периодом, когда папский Рим переживал кризис, но в то же время в Церковь влилось семь новых государственных организмов, в т.ч. Дания, Швеция, Норвегия. Ранее христианство принимали некоторые чешские князья, о чем их подданные, вероятно, даже не знали, так же, как не знали о крещении Мешко жители тогдашней деревушки на берегу Вислы, которая сегодня является столицей нашей страны.

— *А где конкретно крестился князь Мешко? Ведь среди историков есть разные мнения на этот счет...*

— Если честно, мы не знаем. Гнезно было центром языческого культа, вероятно, именно поэтому там выстроили собор, в котором позже был похоронен святой Войцех^{Св. Войцех (Адальберт Пражский, 955–997) — католический святой, один из покровителей Польши.}. Оно стало известным лишь в связи с Гнезненским съездом^{Гнезненским съездом называют встречу германского императора Оттона III с польским князем Болеславом в Гнезно в 1000 г. во время паломничества к могиле св. Войцеха.} в 1000 году. Юг Польши, вероятнее всего, был в руках чехов, которые уже тогда были знакомы с некоторыми христианскими обрядами и верованиями. Тогда как, не хочу быть невежливым, дикари с берегов Вислы мало что об этом знали. Контакты с великими религиями — и христианством, и исламом — были очень важны для польского князя. В это же время начинается процесс вхождения двора Мешко в Европу, принятия латинского языка в государственных целях, происходит развитие торговых контактов. Здесь важен вопрос, было ли христианство известно на наших землях до Мешко. Так вот — было, хотя бы по причине оживленного передвижения, связанного с торговлей.

— *Что это была за торговля?*

— Представьте себе, прежде всего, людьми. Не хочу говорить неприятных вещей, но, к примеру, гаремам требовалась свежая кровь. Из наших земель происходили и отряды воинов, нанимавшихся на службу в мусульманском мире в качестве мамелюков. От этого получала большую выгоду княжеская казна и высшие социальные слои. Это помогало князю в приобретении оружия и военного снаряжения.

— *Кажется, при дворе Мешко были верблюды?*

— Да. Мы знаем, по меньшей мере, об одном, которого Мешко преподнес императору Оттону. Это, конечно, свидетельствовало о контактах с арабским миром. Также мы торговали янтарем, кожами, мехами.

— *Какую роль сыграла жена Мешко, Добрава? В церковной традиции именно ей приписывается заслуга обращения мужа в христианскую веру.*

— Нынешняя корректность не позволяет мне возразить. Мешко строил свое государство, сегодня называемое некоторыми историками вождистским. Иногда мы слышим, что он правил Силезией, но что это значит? Это значит, что он получал оттуда дань. А при случае иногда строил крепости для своих воинов. Для создания польского государства потребовалось много времени. Не говорите этого в Познани, но в Кракове, вероятно, христианство приняли раньше.

— *Так что с Добравой?*

— Трудно поверить, что она целый год уговаривала Мешко креститься. Его решение было чисто политическим. По его стопам позже пошли венгры и уже упомянутые скандинавы. Целью было вступление в мир, в котором считались с обязательствами и межгосударственными договорами. Написанными, прежде всего, по-латыни. По-другому было в Киевской Руси, которая приняла крещение от Византии, и — как следствие — кириллицу. Кстати говоря, наши восточные собратья стояли тогда на более высоком уровне развития, потому что быстро усвоили умение писать и читать.

— *Мешко был неграмотным?*

— Именно так.

— *А как насчет теории, будто Мешко принял крещение именно от Византии?*

— Я не сторонник этого тезиса, мне вспоминаются слова Абеяра, что всякая мудрость берется из вопросов. Поэтому не будем судить, как было, потому что мы просто не знаем. Не знаю, в курсе ли вы, что Мешко не вел дневник? (смех) Зато у меня нет никаких сомнений, что речь шла о политическом акте.

— *Я читал, что Мешко принял христианство, возможно, без папской «лицензии», без согласования с Римом?*

— Папский Рим знал тогда о наших землях очень немного, о чем свидетельствует фраза автора XI века, относящаяся к документу, по которому государство Мешко отдавалось под опеку Апостольской столицы: «не знаю, кем были эти люди, но полагаю, что это были сардинцы». Мы были глубокой периферией тогдашнего

союза европейских народов. Но епископ Йордан, крестивший князя, был все же назначен папой римским. Миссионерская деятельность св. Войцеха тоже указывает на контакты с Римом. Но имел ли он полномочия из Рима, этого мы не знаем, и это маловероятно.

— **Проф. Ежи Лоек написал в своей книге «Исторический календарь», что крещение Мешко было величайшим культурно-политическим событием в истории Польши. Вы разделяете это мнение?**

— Не знаю, величайшим ли, но, конечно, великим и значительным. Польский двор был включен в культуру средневековья, хоть и не в числе первостепенных. Считаю, что столь же важным было создание союза Польши с Литвой. Речь Посполитая Обоих Народов была, можно сказать, предшественницей ЕС. Когда-то я подсчитал, что в этом государстве проживало около 20 разных народов. Поляков в польско-литовской унии было около 40%, потом, кажется, немцы, русины на востоке, литовцы, латыши, пруссы, армяне, молдаване и евреи. Не зря евреи называли эту территорию еврейским раем.

— **Проф. Генрик Ловмянский подчеркивал, что крещение всегда происходило после становления государства. То есть нельзя сразу ставить знак равенства между крещением и рождением польского государства?**

— Я предпочитаю пользоваться термином «властвование». О государстве можно говорить — в соответствии с этимологией — там, где власть осуществляет «государь». Давайте будем осторожнее со сведением исторического процесса к одной дате, одному событию. Христианизация и создание государства, несомненно, были длительным процессом. Величайший польский историк Ян Длугош писал, что польский народ — темный, суеверный, языческий. Перелом произошел с появлением в XIII веке нищенствующих орденов. Изменились взаимоотношения между духовенством и народом, стали возникать учебные заведения, во главе с краковским, формировавшие коллективное сознание. Словом, процесс шел, как минимум, 300 лет.

— **И похоже, не обошлось без бунтов?**

— Вспыхивавших скорее на экономической или культурно-бытовой почве, нежели религиозной. Мало кому нравилось, что нужно платить дань на Церковь и государство. Однако в течение длительного времени показателем религиозности было соблюдение поста. Тот, кто соблюдал, был членом церковной общины, а кто нет — из общины исключался.

— **А помнили ли о «крещении Польши» в последующие века, ближе к нашему времени? Праздновали ли его годовщины?**

— Празднований не было — а зачем? — но о Мешко помнили как о том, кто принес на польские земли христианство.

— **Однако крещение Мешко приобретает особое значение в XIX веке, в условиях разделов оно становится одним из элементов польской исторической политики того времени. В 1881 г. появляется картина Яна Матейко, изображающая крещение Мешко. Тогда не было СМИ, поэтому собирались толпы, чтобы посмотреть на картину. Таким образом, формировалось коллективное воображение поляков. На картине представлен Мешко, попирающий ногой...**

— ...идола, фигуру поваленного языческого божка.

— **Это должно было служить символом не только триумфа над язычеством, но и подтверждать правильность решения Мешко ввести Польшу в христианскую Европу. Никаких иллюзий о возвращении нашей части Европы в некое праславянское сообщество народов.**

— В сущности, память о дохристианских верованиях становилась все слабее. Люди скорее считали себя местными жителями, нежели членами того или иного народа. Так продолжалось до самой Второй мировой войны. Конечно, во времена разделов католическая вера начала явно выделять поляков среди протестантов немцев или православных русских. Однако ответ на вопрос, кто мы, кто такие поляки, вовсе не так прост, как некоторым сегодня кажется. Суть дела ухватил в начале прошлого века Владислав Бэлза, автор стихотворения «Катехизис польского ребенка», начинающегося со слов: «Кто ты? Маленький поляк! / Орел белый — вот твой знак». Это стихотворение было, скорее, чем-то вроде назидания, а не констатацией факта.

— **На волне патриотического возрождения во времена разделов якобы предпринимались попытки празднования тысячилетней годовщины крещения еще в XIX веке. Как это возможно?**

— Было такое празднование, но, скорее, годовщины, а не тысячелетия крещения. Элиты и средний класс в условиях разделов вновь искали свою идентичность.

— **Перейдем к послевоенному времени. После 1945 г. мотив крещения появляется, в частности, в очень популярных тогда исторических романах Кароля Буниша**

Кароль Бунш (1898–1987) — польский писатель, переводчик. Автор многотомного цикла исторических романов о пястовском периоде польской истории.

и Антония Голубева

Антоний Голубев (1907–1979) — польский историк, писатель, эссеист, известен серией исторических романов «Болеслав Храбрый».

Бунш подчеркивал провидческое решение Мешко, которое должно было обезопасить Польшу от германской угрозы.

— **Фактически Мешко принимал крещение от латинского мира, но его составной частью был германский император, который играл свою роль в крещении.**

— **Должно быть, для вас было увлекательно наблюдать соперничество из-за празднования тысячелетия**

крещения и тысячелетия государства между Церковью и властями ПНР. Раньше в нашей истории ничего подобного не происходило.

— В основе этого соперничества лежала, конечно, политическая ситуация. Церковь под предводительством примаса Вышинского прекрасно использовала тысячелетие. Тогда большое значение имело также знаменитое письмо о единении, направленное польскими епископами немецким. Это был смелый акт, ведь мы говорим о 60-х годах XX века, когда память о войне была еще очень живой. Поэтому в то время многие поляки не одобряли действий Церкви.

— Но не пугала или не забавляла ли вас эта конкуренция, эта борьба за годовщину крещения, в основе которой с обеих сторон лежали чисто политические соображения?

— И добавим еще невежество. Ведь представление о польском обществе, коллективно принимающем в X веке крещение, — неверно. Оно не соответствует действительности. В то же время мы определенно стали тогда государством, принявшим принципы европейской культуры. Опуская вопрос, насколько глубокими были знания обо всех этих проблемах в обществе ПНР, трудно не заметить, что существенной составляющей празднования была еще и борьба с коммунизмом. Для части граждан это был повод подчеркнуть свое несогласие с государственной идеологией.

— А для власти?

— Для власти это был повод похвалиться своими достижениями, хотя бы школами-тысячелетками «Тысячелетками» называли школы, построенные в начале 60-х годов XX века в рамках программы «Тысяча школ на тысячелетие» Всего было построено 1417 таких школ. Еще хвастались Грюнвальдской битвой, впрочем, сегодня мы тоже ею хвастаемся. Празднование крещения — даже в ПНР — позволяло подчеркнуть, что на фоне тогдашнего социалистического блока мы — особые и исключительные, благодаря вхождению в круг цивилизованных стран.

— Тем временем, приближается совместное государственно-церковное празднование 1050-летия крещения в свободной Польше. Для меня это немного пахнет новой сценой единения алтаря с тронном.

— Для меня это пахнет возвращением к идеологии, провозглашенной Петром Скаргой ^{Петр Скарга (1536–1612) — католический богослов, писатель, проповедник, деятель контрреформации в Речи Посполитой. Сторонник ограничения власти Сейма и расширения властных полномочий короля.} Все мы знаем, чем это закончилось для Польши. Меня беспокоит, что сейчас мы наблюдаем срастание государственной идеологии с религией, а я считаю, что они должны быть разделены.

— Значит, вы будете смотреть по телевидению это большое совместное празднование немного отстраненно?

— Не знаю, я все меньше смотрю телевизор.

— Согласны ли вы, что, с точки зрения политического и культурного значения, можно сопоставить крещение Мешико с вступлением Польши в Европейский союз?

— Я полностью разделяю такой взгляд. Хотя по пути было еще несколько столь же значимых событий: закат династии Пястов, Речь Посполитая Обоих Народов. Но крещение дало нам место во всеобщей истории.

Проф. Генрик Самсонович (р. 1930) — медиевист, один из самых выдающихся польских историков, бывший ректор Варшавского университета, министр национального образования в правительстве Тадеуша Мазовецкого.

1: Хроника (некоторых) текущих событий

• «Вне всякого сомнения, это было важнейшее публичное выступление председателя правящей партии после победы «Права и справедливости» (ПиС) на выборах. (...) Председатель ПиС заявил, что по истечении 20 лет, прошедших после принятия в 1997 г. Основного закона, будет начата работа над новой конституцией. (...) Важным элементом нашей безопасности Лех Качинский назвал членство Польши в Евросоюзе: “Мы состоим в ЕС на постоянной и прочной основе. (...) Сегодня быть в Европе значит состоять в Евросоюзе, и другого варианта просто нет. Поляки — это европейцы. (...) Мы хотим быть в Европе, и это желание разделяет подавляющее большинство поляков”». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 4 мая)

• «Польша, смирившаяся со своим колониальным статусом, Польша Туска, очень даже устраивала некоторых заправил этого мира. В том числе и потому, что отлично вписывалась в концепцию Европы, где над всеми, особенно в нашем регионе, доминирует Германия. Однако нам совершенно не выгодно, чтобы Германия здесь доминировала. (...) Мы должны защищать наши интересы и наш суверенитет. (...) В Польше действительно нет никаких проблем с демократией, зато в Германии такие проблемы есть, и довольно серьезные. Появилось уже немало основательных научных работ, убедительно доказывающих, что немецкая демократия ликвидирована как таковая. (...) Меня не пугают эти манифестации («Комитета защиты демократии» — В.К.), так как мне прекрасно известно, насколько ограничен их масштаб, и кто на эти манифестации выходит, я отлично вижу, как ведут себя

эти люди. В этих маршах участвуют наследники коммунистической Польши, озлобленные происходящими переменами, напуганные тем, что страна будет жить по-другому. А рядом с ними маршируют представители артистических кругов и масс-медиа, получавшие в свое время огромные деньги, которые теперь могут им не достаться. (...) Примерно таким же образом обстоят дела и с давлением на Польшу со стороны европейских групп влияния», — Ярослав Качинский, фрагменты интервью. («вСети», 18-24 апр.)

- «В Польше проходят мероприятия в связи с шестой годовщиной смоленской катастрофы. (...) Одним из ключевых событий в череде памятных акций стало выступление президента на Краковском предместье в Варшаве: “(...) Сегодня я обращаюсь ко всем вам с призывом. Простим. Простим это все друг другу, все эти никчемные и в первую очередь несправедливые слова”. Спустя несколько часов на том же самом месте слово взял Ярослав Качинский: “(...) Я знаю, что поляки неоднократно ошибались, слишком легко прощая своих врагов. Да, прощать нужно, но только после того, как виновные признают свою вину и понесут соответствующее наказание. Смоленская трагедия не была случайностью”». (Павел Решка, «Тыгодник повшехный», 17 апр.)

- «За более чем 25 лет своего существования независимая Польша не смогла предотвратить целую серию катастроф самолетов и военных вертолетов, в результате которых погибли и были ранены многие важные в государстве люди. И все из-за головотяпства, из-за неуважения к государственным процедурам. В первый же день после смоленской катастрофы об этом отважился заявить Чеслав Белецкий. Поляки как социум не в состоянии пока что создать такое государство, в котором бы не происходили подобные вещи. (...) И, говоря словами вице-премьера Хауснера, как-то изменить ситуацию, при которой всякий крупный инфраструктурный проект в Польше обречен на провал», — Анджей Ледер. («Газета wyborcza», 9-10 апр.)

- «Пожалуй, ни в одной стране мира нет ничего подобного. Как получилось, что первое лицо в стране не занимает формально никакой должности в правительстве и не несет ни юридической, ни конституционной ответственности за свои решения? Ко всему прочему, этот человек не приезжает ни в Брюссель, ни в Вашингтон, не общается с председателем Европейской комиссии Жаном-Клодом Юнкером, не встречается с канцлером Меркель или президентом Обамой. С кем европейские политики должны договариваться по важнейшим вопросам, касающимся будущего Европы или НАТО?», — Мэтью Каминский, главный редактор европейского издания портала «Политико». («Ньюсуик Польска», 2-8 мая)

- «Ярослав Качинский — председатель партии, пришедшей к власти. (...) Ярослав Качинский несет политическую ответственность за весь политический проект», — премьер-министр Беата Шидло. («вСети», 2-8 мая)

- Десятка людей, управляющих Польшей. «Формально глава государства — президент Анджей Дуда. (...) Однако его президентская власть рассчитана только на внешний эффект. (...) Аналогично обстоят дела с маршалами Сейма и Сената, а также с премьер-министром Беатой Шидло. (...) Ключевую же роль играет тот, кто реально может влиять на состояние общества и в первую очередь на его взгляды. Влияние Ярослава Качинского здесь очевидно, это даже не обсуждается. (...) Доходит до того, что поляки с противоположными политическими взглядами пытаются угадать, о чем думает и что собирается предпринять председатель ПиС. В такой ситуации правительство не может быть сильным. Поэтому пусть никто не обманывается, что в десятку влиятельнейших поляков входит немало министров — Антоний Мацеревиц, Збигнев Зебро, Матеуш Моравецкий, Ярослав Говин. Они занимают эти должности не в силу своей компетенции, а лишь потому, что их взгляды и поступки оказывают влияние на общество. Вот почему в этой группе оказались также три представителя СМИ: Адам Михник («Газета wyborcza»), о. Тадеуш Рыдзык («Радио Мария», ТВ «Трвам», «Наш дзенник») и Зигмунт Солож, в империю которого входит «Полсат» — крупный телеканал, самым непосредственным образом связанный с политикой». (Яцек Низинкевич, «Жечпосполита», 25 апр.)

- По данным опроса, проведенного 26 апреля Институтом рыночных и общественных исследований, работу премьер-министра Беаты Шидло положительно оценивают 37% опрошенных, отрицательно — 58%. В ответ на вопрос, кто из политиков, находящихся сегодня во власти, должен быть премьером, 32% респондентов поддержали Беату Шидло, 15% — вице-премьера Матеуша Моравецкого, 11% — председателя ПиС Ярослава Качинского, 10% — вице-премьера Ярослава Говина, 6% — министра юстиции Збигнева Зебро, а менее 1% — вице-премьера Петра Глинского. («Жечпосполита», 26 апр.)

- «Европейский парламент подавляющим большинством в 513 голосов принял в среду резолюцию относительно ситуации в Польше (142 депутата голосовали против). “Европейский парламент выражает серьезную обеспокоенность в связи с действиями, фактически парализовавшими работу Конституционного суда и угрожающими демократии, правам человека и законности”, — говорится в документе». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 14 апр.)

- «63% поляков согласны с утверждением, что демократия в Польше находится под угрозой — таковы результаты опроса, проведенного Институтом рыночных и общественных исследований. (...) Противоположного мнения придерживаются 33% опрошенных. (...) В качестве средства для разрешения конфликта вокруг Конституционного суда поляки чаще всего указывают приведение президентом к присяге трех судей, избранных Сеймом предыдущего созыва (46% респондентов), выполнение партией «Право и справедливость» указаний Венецианской комиссии (42%), а также опубликование правительством последнего решения Конституционного суда (41%)». («Жечпосполита», 13 апр.)

- «Лидер партии «Современная» Рышард Петру доставил вчера в канцелярию премьер-министра около 100 тыс. подписей, поставленных под петицией относительно опубликования решения Конституционного суда от 9 марта». («Газета wyborcza», 27 апр.)
- «55% поляков считают, что премьер-министр Беата Шидло совершила ошибку (...), не опубликовав решение Конституционного суда (КС), признавшее неконституционными внесенные по инициативе ПиС изменения в закон о суде. 22%, напротив, полагают, что это правильное решение. 23% не смогли определиться с ответом. 45% респондентов считают это решение КС действительным, хотя оно и не было опубликовано. 22% опрошенных считают, что это «всего лишь мнение, высказанное с нарушением закона о КС». 23% не могут оценить решение КС. (...) 45% участников опроса считают себя сторонниками КС и оппозиции (...), 29% — сторонниками ПиС. 26% не определились с симпатиями». (Агнешка Кублик на основе данных опроса ЦИОМа от 31 марта — 7 апр., «Газета wyborcza», 20 апр.)
- «Последовательное несогласие с решениями Конституционного суда приводит к расширению неправового поля. Одни государственные институты будут, как и положено, следовать этим решениям, другие нет. Я думаю, что суды будут подчиняться решениям КС, а органы государственной власти и управления, подотчетные правительству, не станут этого делать. (...) Управленческие структуры будут принимать свои решения, делая вид, что КС ничего не рассматривал, в результате чего физические и юридические лица станут обжаловать эти решения в административных судах, которые, в свою очередь, будут признавать их недействительными. (...) Все это приведет к страшному бардаку, за который государству придется расплачиваться большими деньгами. Своими действиями ПиС уничтожает не только правовое государство, но и государство как таковое. (...) Закон на стороне Конституционного суда. Этой точки зрения придерживается подавляющее большинство польских юристов, судей, адвокатов, ученых, представителей международных организаций. (...) Выбор до драматизма прост. Либо ПиС уничтожит правовую систему Польши, систему законности, либо этих людей заставят остановиться», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, маршал Сейма, министр иностранных дел и министр юстиции. («Жечпосполита», 12 апр.)
- «Ежегодная Генеральная ассамблея судей Конституционного суда могла бы стать доказательством того, что спокойный обмен мнениями, несмотря на очевидное напряжение и даже своего рода войну между КС, с одной стороны, и правительством и парламентом, с другой, все-таки возможен. Могла бы, да не стала. В предыдущие годы на ассамблее обязательно присутствовали глава государства, премьер-министр либо его представитель, а также генеральный прокурор. Вчера же, кроме президентского юриста Анны Сурувки-Пасек, на ассамблее не было ни одного представителя правящего лагеря. (...) Позицию КС поддерживают самые важные, ключевые институты и структуры польского правосудия. Первый председатель Верховного суда (ВС) Малгожата Герсдорф в своем письме, зачитанном главой гражданской палаты ВС Тадеушем Эрецинским, призвала судей рассматривать дела в соответствии с решениями КС, даже если те не опубликованы. “Я хотела бы попросить всех польских судей быть храбрыми. Именно от них зависит, смогут ли наши сограждане оценить значение принципа разделения властей”, — написала Малгожата Герсдорф». (Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 21 апр.)
- «Вчерашняя резолюция Генеральной ассамблеи судей Конституционного суда не оставила никаких сомнений: если Конституционный суд признал какую-либо норму права не соответствующей Основному закону страны, однако при этом решение суда не было опубликовано в «Законодательном вестнике», эта норма теряет презумпцию конституционности уже в момент своего объявления. Иными словами, судьи во всей стране обязаны учитывать все, в том числе неопубликованные, решения Конституционного суда». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник газета правна», 27 апр.)
- «В среду коллегия Высшего административного суда призвала судей уважать решения Конституционного суда. В специальной резолюции указано, что административные суды никогда не подвергали сомнению общеобязательность и окончательность решений КС. (...) Резолюции Генеральной ассамблеи судей Конституционного суда и Высшего административного суда являются важными рекомендациями для судей, которые применяют их не только под влиянием авторитета коллегии и суда, но и из опасений перед отменой того или иного судебного решения вышестоящей инстанцией». («Жечпосполита», 28 апр.)
- «Национальный совет правосудия обнародовал свою позицию, в соответствии с которой то, что решения Конституционного суда не опубликованы, “не лишает его общеобязательной силы и никого не освобождает от обязанности по исполнению данного решения”. По всей Польше одна судебная инстанция за другой заявляет о своей готовности применять неопубликованные решения КС при отправлении правосудия. Соответствующие резолюции уже приняты ассоциациями судей более чем десяти городов страны. (...) “Резолюции судебных инстанций в поддержку решения КС поступают к нам с декабря, то есть с первых дней разразившегося вокруг КС кризиса”, — говорит судья Вальдемар Журек, пресс-аташе Национального совета правосудия». (Мацей Печинский, «До жечи», 18-24 апр.)
- «Появятся новые формы наказания для судей — взыскания финансового характера. (...) Министерство юстиции будет урезать судейскую зарплату в объеме от 5 до 15%. Данное взыскание может быть наложено дисциплинарным судом на срок от шести месяцев до двух лет. У судьи районного суда может вычитаться из жалования до 1,1 тыс. злотых ежемесячно, а у судьи апелляционной инстанции — до 2 тыс. злотых». (Агата

Лукашевич, «Жечпосполита», 28 апр.)

- Председатель Конституционного суда «проф. Анджей Жеплинский в четверг рассказал, что правительство обратилось к нему с письмом, в котором предложило не высказываться публично по поводу конфликта вокруг Конституционного суда до 13 мая, пока агентство “Moody’s” не представит свой рейтинг Польши. Письмо было подписано министром финансов Павлом Шаламахой». («Жечпосполита», 6 мая)
- «Принятое прокуратурой в среду решение о невозбуждении дела об отказе в публикации правительством решений Конституционного суда — вот результат их (министра юстиции Збигнева Зебро и генерального прокурора Богдана Свенчковского) действий. (...) Тем самым политики приступили к демонтажу польского правосудия. Отныне суды, признающие решения КС, будут давать оценку следственным действиям прокуратуры, которая этих решений не признает. (...) Все центральные ведомства, контролируемые ПиС (а таких подавляющее большинство), не будут следовать этим решениям. Зато оппозиционно настроенные органы самоуправления уже заявляют, что намерены руководствоваться решениями КС, даже рискуя оказаться в конфликте с воеводами, представителями правительства на местах. Таким образом, политики делят государство на отдельные, враждующие между собой вертикали». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 28 апр.)
- «К концу марта 2016 г. из прокуратуры уволилось в общей сложности 170 следователей». «“Большинству из них просто не хочется быть безвольным орудием в руках политиков”, — утверждает один из окружных прокуроров». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 22 апр.)
- «Уполномоченный по правам граждан Адам Боднар направил в Конституционный суд заявление с просьбой о признании неконституционным закона о прокуратуре. “Закон предоставляет политикам огромные полномочия. Министерство юстиции может непосредственно вмешиваться в расследование конкретных дел, принимать решения о задержании, обыске и временном аресте”, — пишет уполномоченный». («Жечпосполита», 19 апр.)
- «Венецианская комиссия, совещательный орган Совета Европы, готовит свое заключение относительно закона о слежке, принятого в январе этого года. (...) Это уже второй за последние несколько месяцев визит комиссии в Польшу. В феврале Венецианская комиссия находилась в нашей стране по приглашению министра иностранных дел и занималась вопросами, связанными с поправками, внесенными в закон о Конституционном суде». (Себастьян Клаузинский, «Газета wyborcza», 29 апр.)
- «27 апреля премьер-министр Беата Шидло распустила Совет по вопросам противодействия расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. (...) Против ликвидации совета выступает уполномоченный по правам граждан Адам Боднар. (...) “Более полусотни неправительственных организаций, занимающихся правами человека, обратилось к премьер-министру Шидло с просьбами высказать свою позицию относительно нарастающей агрессии в сфере общественной жизни. Ответа мы так и не получили. Как я понимаю, этим ответом стала ликвидация совета”, — говорит Паула Савицкая из Ассоциации против антисемитизма и ксенофобии “Открытая Речь Посполитая”». (Мацей Орловский, «Газета wyborcza», 5 мая)
- «Городской совет Белостока голосами депутатов от ПиС и местного право-консервативного “Комитета Трусколасского” ликвидировал Центр им. Людвика Заменхофа, единственное городское учреждение культуры, отстаивавшее идеи истинного мультикультурализма в городе, над которым нависла коричневая волна национализма». (Роман Павловский, «Газета wyborcza», 27 апр.)
- «Лучшее доказательство того, что возбуждение ненависти в отношении нашего европейского окружения приносит эффекты, содержится в отчете ЦИОМа об отношении поляков к другим национальностям. По сравнению с идентичным опросом, проведенным осенью 2015 года, неприязнь поляков по отношению к нескольким десяткам народов, фигурировавшим в опросе, возросла — к кому-то в большей степени, к кому-то в меньшей, но рост в любом случае очевиден. Таковы результаты четырех месяцев неустанной пропаганды, возбуждающей неприязнь к людям других национальностей», — проф. Радослав Марковский. («Газета wyborcza», 16-17 апр.)
- «Празднование 82-й годовщины создания “Национально-радикального лагеря” состоялось в субботу в Белостоке. В город съехались несколько сотен националистов. В кафедральном соборе о. Яцек Мендляр произнес проповедь, полную ксенофобских призывов. (...) Затем националисты четырьмя колоннами вышли на улицы, скандируя: “Хватит биться за Израиль!”, “Долой Евросоюз!”, “Великая католическая Польша!”. (...) Марш проходил под охраной полиции. (...) В пятницу студентам-иностранцам Политехнического института было разослано специальное сообщение, рекомендовавшее им не выходить из общежития в связи с приездом в город националистов. “Во избежание неприятных инцидентов просим не выходить в город, а также не передвигаться по территории кампуса. Просим оставаться в зданиях общежития”». (Анджей Клопотовский, Мартина Бельская, Агнешка Домановская, «Газета wyborcza», 19 апр.)
- «Субботний марш по Варшаве, прошедший под лозунгом “Мужайся, Польша!”, был организован “Национальным движением”, “Националистами РП”, “Крестовым походом розария за Родину” и “Движением по контролю за выборами”. (...) В марше принимало участие не более 2,5 тыс. человек (“Газета Польска подзенне” сообщала о 4,5 тыс. участников — В.К.). Процессия началась у кафедрального собора св. Флориана в районе Прага, где за час до этого была отслужена месса за Отчизну. В своей проповеди о. Анджей Душа попытался остудить эмоции собравшихся: “Не должен один народ презирать другие народы”. (...) Проповедь вызвала у слушателей явное недоумение». (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 9 мая)

- «Министерство национальной обороны планирует разрешить лицам, состоящим в военизированных общественных организациях, вступать в ряды создаваемых вооруженных сил территориальной обороны страны. “Национально-радикальный лагерь” хочет быть причисленным к структурам, действующим в интересах безопасности страны. (...) Депутаты от ПиС из парламентской комиссии по делам обороны не видят ничего плохого в том, чтобы “Национально-радикальный лагерь” был частью системы национальной обороны. (...) В настоящее время члены “Национально-радикального лагеря” из разных частей страны настаивают на своем участии в учениях сил территориальной обороны». (Бартломей Курась, «Газета wyborcza», 22 апр.)
- «Как утверждал Вальтер Беньямин, фашизм создается в первую очередь на человеческом материале. (...) Когда на последних выборах националисты вроде Винницкого прошли в парламент по списку Кукиза, никто особенно не возмутился. Может, нам просто не верится, что все это происходит на самом деле?», — Иоанна Токарская-Бакир. («Газета wyborcza», 16-17 апр.)
- «Ярослав Качинский заявляет: “Мы не станем принимать никаких законов относительно «языка ненависти»”. В дни, когда “Национально-радикальный лагерь” вопит о сионистах, висящих на деревьях, словно листья (“На деревьях вместо листьев пусть повиснут сионисты”, — скандировали участники националистических манифестаций — В.К.), слова председателя правящей партии, на первый взгляд сказанные в защиту свободы слова, звучат весьма угрожающе. Столь же опасным представляется и решение премьер-министра Беаты Шидло о ликвидации Совета по вопросам противодействия расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Не думаю, что в ПиС этого не понимают. Хуже того — ПиС будет расчетливо молчать и относиться к националистическим эксцессам терпимо, чтобы не потерять избирателей-ксенофобов. Так же будет вести себя и Церковь (хотя здесь еще встречаются достойные исключения), боясь потерять самых преданных верующих. Ибо верующие уже продемонстрировали, что (...) могут спокойно послушаться своих епископов. (...) Под напором необузданной агрессии мы говорим на все более человеконенавистническом языке, даже не понимая, что язык этот способен оскорблять и подстрекать к насилию», — Ярослав Миколаевский. («Газета wyborcza», 7-8 мая)
- «Качинский ввел язык ненависти в общественную дискуссию. (...) Я имею в виду его манеру называть инакомыслящих “животными элементами”, “людьми второго сорта”, “сотрудниками гестапо”, “коммунистами и ворами”. (...) Лидеры других партий не прибегают к такой риторике. Качинский же использует ее сознательно, именно для того, чтобы вдолбить людям в голову упомянутую мной парадигму: мы должны быть врагами. (...) Я предупреждаю: нужно уметь вовремя прикусить язык, когда нас заносит. Оскорбительные слова в адрес других людей возвращаются к нам бумерангом. Мне иногда хочется поиздеваться, поднять на смех некоторых представителей правого крыла, которые, как я считаю, наносят Польше вред. Но я не делаю этого, хотя слова так и вертятся на языке», — Гжегож Гауден. («Газета wyborcza», 28 апр.)
- «В 2014 г. по стране в целом полиция проводила предварительное расследование в связи с 689 правонарушениями, совершенными на почве ненависти. В 2015 г. количество таких правонарушений выросло до 956. (...) Наибольший рост характерен для преступлений, связанных с пропагандой фашизма и разжиганием ненависти. Количество возбужденных по таким правонарушениям дел выросло с 311 до 510». (Лукаш Вожницкий, «Газета wyborcza», 21 апр.)
- «В прошлом году полиция возбудила 256 уголовных дел, выявив впоследствии совершение 299 преступлений, (...) непосредственными мотивами которых были национальность, происхождение, раса, религия или атеизм. (...) Это рекордная цифра как минимум с 1999 года. Для сравнения: в 2014 г. было зафиксировано 229 преступлений этой разновидности, в 2013 г. — 146, а в 2012 — 104». (Томаш Жоляк, «Дзенник газета правна», 11 апр.)
- «Каждый четвертый взрослый поляк (около 7-8 млн человек) не знает о географическом положении своей страны и ее границах, только меньшая часть граждан Польши имеет какое-то понятие о государственном бюджете и его исполнении, и лишь половина жителей этой европейской страны в состоянии правильно ответить на вопрос о количестве палат в польском парламенте. (...) Те, кто не располагает информацией о собственной стране, не знают также ни ее политиков, ни общественно-политических механизмов. (...) Самыми информированными людьми оказались избиратели партии «Современная». Кроме того, высокий уровень знаний продемонстрировали избиратели Коалиции левых сил, партии «Вместе», а также партии КОРВиН («Коалиция обновления Республики — воля и надежда»). Самый же низкий — избиратели ПиС и Кукиз'15. (...) 52% тех, кто не ходит на выборы, и 45% избирателей ПиС и крестьянской партии ПСЛ не прочитали за прошлый год ни одной книги, в отличие от избирателей партий «Вместе», КОРВиН и «Современная», среди которых этот показатель колеблется между 15 и 20%. (...) Ресурсы политического невежества в Польше огромны, хоть и распределены неравномерно». Данные получены благодаря исследовательским проектам «Знания о политике в Польше» и «Общая аналитика избирательного процесса», реализованным сотрудниками Высшей школы общественной психологии. (Миколай Чесник, Агнешка Квятковская, Радослав Марковский, «Политика», 27 апр. — 3 мая)
- «Еще в 2000 г. количество выпускников вузов, не читающих книги, составляло только 2%. Сегодня этот показатель превысил 30%. (...) Большинство политиков, которых я знаю, на самом деле много читают, но их пиарщики в течение довольно долгого времени не советовали им показываться на публике с книгами, считая, что это может быть воспринято как снобизм и не будет ассоциироваться с нормальной польской семьей, где, по

- мнению пиарщиков, книг не читают», — Томаш Маковский, директор Национальной библиотеки. («Дзенник газета правна», 29 апр. — 3 мая)
- «Когда я только начинал работать в Институте книги, его годовой бюджет составлял около 13 млн злотых. В 2014 г. мы освоили свыше 95 млн злотых. (...) Нам удалось создать целую сеть литературных фестивалей. (...) Однако более всего я горжусь нашей программой по строительству библиотек. Было построено 245 суперсовременных библиотек в небольших городах и местностях по всей Польше», — Гжегож Гауден. («Тыгодник повшехный», 17 апр.)
 - «Открытое письмо с выражением поддержки и признательности в отношении уволенного директора Института книги Гжегожа Гаудена подписали 48 переводчиков польской литературы на иностранные языки, представляющих в общей сложности 17 языковых зон». (По материалам «Газеты выборчей», 2-3 мая)
 - «ПиС укомплектовывает своими людьми всевозможные организации и предприятия. (...) И тем самым правящая партия формирует целые отряды верных ей людей, которые своей карьерой обязаны исключительно партии Ярослава Качинского». «Д-р Анна Матерская-Сосновская из Института политических наук Варшавского университета (...) отслеживает фамилии тех, кто открыто поддерживал ПиС и теперь назначаются на высокие должности. Речь уже идет о 1,2 тыс. человек, хотя ПиС руководит страной всего 150 дней». (Дорота Калиновская, «Дзенник газета правна», 15-17 апр.)
 - «Письмо, которое совет Международной ассоциации исследовательских институтов истории искусства направил министру культуры Петру Глинскому, подписали десятки ученых и научных организаций со всего мира. Они призывают министра не отказывать в назначении Малгожаты Омиляновской, выигравшей конкурс на должность директора Королевского замка в Варшаве». (Ежи С. Маевский, «Газета выборча», 5 мая)
 - «На начало 2017 г. в Гданьске было запланировано открытие музея Второй мировой войны — быть может, самого смелого и новаторского музея подобного рода. Однако правительство решило, что данный проект не выражает «польской точки зрения». (...) Уловка заключалась в том, чтобы сначала заменить почти готовый универсальный музей локальным и никому не известным (и пока что вовсе не существующим), а потом заявить, что ничего не изменилось. (...) Ликвидация музея — это неожиданный удар, нанесенный всему мировому культурному наследию», — Тимоти Снайдер, полный текст был опубликован 3 мая в «The New York Review of Books». «В четверг министерство культуры пообещало, что музей Второй мировой войны не исчезнет». («Газета выборча», 7-8 мая)
 - «Открытое письмо министру культуры Петру Глинскому с протестом против планов правительства отказаться от открытия музея Второй мировой войны в Гданьске подписали 198 ученых из университетов и научных институтов 22 стран Европы и Северной Америки». (По материалам «Газеты выборчей» от 5 мая)
 - «Вчера Сейм принял закон об Институте национальной памяти (ИНП), делающий эту организацию полностью зависимой от правящей партии. (...) Кандидатуры в Совет ИНП ранее предлагали вузы и институты истории Польской Академии наук, а также юридические организации, политики же назначали Совет, выбирая его членов из предложенных кандидатур. Председателя ИНП назначал и освобождал от должности Сейм по согласованию с Сенатом, причем по предложению все того же Совета. (...) Внесенные в закон об ИНП изменения предусматривают, что вместо нынешнего Совета в ИНП появится Коллегия из десяти человек, назначаемых Сеймом, Сенатом и президентом. Руководителя ИНП, чья кандидатура станет предлагаться Коллегией, будет выбирать Сейм по согласованию с Сенатом. (...) ПиС отклонил поправки оппозиции, настаивавшей, чтобы кандидат в члены Коллегии имел хотя бы высшее образование». (Доминика Веловейская, «Газета выборча», 29 апр.)
 - «Экологические организации направили в Европейскую комиссию жалобу на министра охраны окружающей среды Яна Шишко в связи с увеличением вырубки деревьев в Беловежской пуще. (...) Экологи выступают с критикой планов по увеличению дереводобычи с 63 тыс. кубометров до 188 тыс. кубометров в 2012-2021 годах. (...) Сотрудничающие с экологическими организациями юристы указали на нарушение директивы ЕС о заказниках, охраняющей ценнейшие природные территории Евросоюза, к которым причислена также Беловежская пуща». (Кшиштоф Лош, «Наш дзенник», 20 апр.)
 - «Под жалобой подписались «Client Earth», «Первозданная Польша», «Greenmind», «Greenpeace Польша», польское отделение Всемирного фонда дикой природы, Всепольская ассоциация по охране птиц и «Лаборатория на благо всех существ». По мнению экологов, они уже исчерпали все возможности достичь взаимопонимания внутри страны и поэтому решили обратиться к международным организациям. Они также призывают граждан поставить под жалобой свои подписи». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 21 апр.)
 - «Всемирный рейтинг свободы прессы составляется и публикуется международной неправительственной организацией «Репортеры без границ» (РБГ). (...) В качестве примера страны, где ситуация со свободой прессы ухудшилась, РБГ называет Польшу, в которой «был усилен правительственный контроль над общественными СМИ». В последнем рейтинге Польша оказалась на 47-ой позиции среди 180 стран. РБГ снизила наш индекс на 27 позиций. Год назад Польша занимала 18-е место. «В Польше свобода прессы и плюрализм находятся под угрозой», — заключила РБГ». (Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 21 апр.)
 - «Даже в странах с развитой и зрелой демократией власть держит масс-медиа на крючке, имея возможность цензурировать материалы и скрывать информацию на протяжении нескольких дней. (...) В Польше ситуация

- сложная. (...) Если говорить о частных СМИ, то на местном медийном рынке преобладает немецкий капитал, другие влиятельные масс-медиа контролируются капиталом, образовавшимся в посткоммунистическую эпоху, а также леволиберальным капиталом. В других европейских демократиях эти тенденции не характеризуются таким размахом, как у нас», — вице-премьер и министр культуры и национального наследия Петр Глинский. («Газета Польска подзенне», 2-3 мая)
- «За последние дни в европейской и американской прессе появились десятки статей, посвященных Польше, причем не только конфликту вокруг Конституционного суда. Пишут, в частности, о Беловежской пушче, о том, что Польша уничтожает самый прекрасный лес на континенте. Это производит огромное впечатление на европейцев, которые необыкновенно чувствительны к таким вещам. (...) Там на нас смотрят без особых эмоций: дескать, ладно, мы дали им шанс, они им не воспользовались, мы всегда говорили, что эти люди не готовы к вступлению в ЕС, о чем тут переживать. Евросоюз может работать гораздо успешнее в более узком составе. (...) Мы гораздо быстрее, чем нам кажется, можем стать лидером европейских маргиналов, периферийной страной, погрязшей в скандалах», — д-р Марек Греля, бывший заместитель министра внутренних дел, в 2002-2012 гг. посол Республики Польша при ЕС, впоследствии директор по вопросам трансатлантических отношений при верховном представителе по внешней политике ЕС Хавьере Солана. («Пшеглэнд», 18-24 апр.)
 - «Польша двигается в сторону авторитаризма и изоляции от остального мира, говорится в открытом письме бывших президентов, министров иностранных дел и деятелей оппозиции». «Бывшие президенты Лех Валенса, Александр Квасневский и Бронислав Коморовский, бывшие министры иностранных дел Влодзимеж Цимошевич, Анджей Олеховский и Радослав Сикорский, а также бывшие оппозиционеры Рышард Бугай, Владислав Фрасынюк, Богдан Лис и Ежи Стемпень в открытом письме выразили свою признательность “достойной позиции судей Конституционного суда” и “Комитета защиты демократии, который стал координационным центром движения общественного сопротивления”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 26 апр.)
 - «Создан Гражданский фонд, целью которого является поддержка “деятельности по охране гражданских прав и свобод, конституционных ценностей, сохранение общественного спокойствия, а также создание пространства для свободных дискуссий относительно важных общественных вопросов в духе заботы об общем благе” (из декларации). В совете фонда состоят люди, пользующиеся авторитетом и доверием: проф. Эва Лентовская, первый уполномоченный по гражданским правам и бывший судья Конституционного суда, бывший первый председатель Верховного суда проф. Адам Стшембош и проф. Анджей Цолль, бывший председатель Конституционного суда». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 26 апр.)
 - «Комитет защиты демократии (КЗД) поддерживают 40% поляков, а 28% — не поддерживают. Каждый четвертый участник опроса утверждает, что никогда о таком комитете не слышал. КЗД удалось занять свое место в сознании 75% поляков. (...) В ходе того же самого опроса респондентов спрашивали об их партийных предпочтениях. Первое место заняла ПиС (32%), опередив «Современную» (17%), «Гражданскую платформу» (15%) и Кукиз'15 (12%). Только эти партии и оказались в парламенте». Опрос агентства TNZ, 12-13 апр. («Газета wyborcza», 15 апр.)
 - «В субботу по варшавским улицам прошли участники совместного марша Комитета защиты демократии и оппозиционных партий. (...) Столичная мэрия сообщила, что от площади На роздрожу до площади Пилсудского прошли 240 тыс. человек. Полиция сначала сообщала о 30 тыс. участников, затем увеличила эту цифру до 45 тысяч». («Дзенник газета правна», 9 мая)
 - «Когда первые участники шествия дошли до площади Пилсудского, конец колонны только покидал площадь На роздрожу. Между этими площадями — три километра. Ширина Уяздовского проспекта составляет 14 метров. Если помножить имеющиеся у нас данные, то при наличии двух человек на один квадратный метр общее число участников составит 84 тыс., а при наличии четырех — 168 тысяч». (Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 9 мая)
 - «Никто не предвидел, что Комитет защиты демократии обретет такую силу. И этой волны уже не остановить. Польша расколота, и раскол в ней только усиливается! Скоро у нас вспыхнет политическая гражданская война. Роли уже распределены. Такого конфликта мы еще не видели. Все средства пойдут в дело. (...) Сама Польша никого не интересуется. Речь идет только о власти». (Яцек Низинкевич, «Уважаю же», май 2016)
 - «“Правительство расширяет уголовно-исправительные учреждения в Жешуве и Грудзёндзе. (...) Если добавить к этому новый павильон следственного изолятора в Хайнувке, (...) мы получим в общей сложности 949 дополнительных мест”, — вычисляет подполковник Ярослав Гура, пресс-секретарь Тюремной службы. (...) В тюрьмах и следственных изоляторах Евросоюза находятся почти 6 тыс. наших соотечественников (в польских уголовно-исправительных учреждениях содержится всего лишь 217 граждан ЕС)». (Петр Шиманяк, «Дзенник газета правна», 11 апр.)
 - «За первые три месяца 2016 г. с просьбами о предоставлении политического убежища обратились 355 граждан Таджикистана. Это почти в шесть раз больше, чем за аналогичный период прошлого года. (...) В первом квартале 2016 г. таджикских беженцев оказалось больше, чем украинских (326). Вот уже много лет по количеству беженцев всех опережают чеченцы». (Анджей Почобут, «Газета wyborcza», 20 апр.)
 - «“Все больше иностранцев пытается въехать в Польшу по фальшивым либо чужим документам. (...) В 2015 г.

фальшивые, то есть подделанные документы — паспорта, удостоверения личности, визы, печати — были выявлены у более чем 2,7 тыс. человек», — говорит Агнешка Гольяс, пресс-секретарь Главного управления Пограничной службы». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 27 апр.)

- ««Мы не согласимся ни на одну из форм распределения беженцев между странами ЕС. Такие правила только увеличивают наплыв иммигрантов», — заявил вчера в Люксембурге глава МВД Мариуш Блашак после совещания министров внутренних дел стран ЕС». (Из Люксембурга Томаш Белецкий, «Газета wyborcza», 22 апр.)
- «На протяжении нескольких лет в этом списке находятся две с половиной тысячи польских семей, проживающих в Казахстане, которым просто некуда приехать, хотя все репатриационные документы у них в порядке. Ни один состав польского правительства этого вопроса решить не смог, а ведь эти люди давно уже могли бы быть в Польше. Вместо этого они стали выгодным аргументом для политиков на время избирательной кампании. Немцы одним махом перевезли своих соотечественников из Казахстана, Поволжья и Крыма», — Янина Охойская, основатель Польской гуманитарной акции. («Польска», 25 апр.)
- «В прошлом году поляки, работающие за границей, в общей сложности перечислили в Польшу 16,3 млрд злотых. (...) В том же году работающие в нашей стране украинцы заработали 8,4 млрд злотых до отчисления налогов. Это люди, которые работают здесь меньше года либо приезжают на работу из приграничных районов Украины». (Патриция Мацеевич, «Газета wyborcza», 19 апр.)
- «Численность уроженцев Северной Кореи в нашей стране составляет примерно около восьмисот человек. Для Пхеньяна это один из способов получения ценной валюты. (...) Рабочие из КНДР большую часть своего легального заработка отдают режиму». (Рафал Томанский, «Газета wyborcza», 12 апр.)
- «В нашей стране сегодня работают 2,7 тыс. украинских компаний, которые ежегодно перечисляют на счета Управления социального страхования 400 млн злотых». («Дзенник газета правна», 27 апр.)
- «Лешек Бальцерович, бывший министр финансов, стал представителем президента Петра Порошенко в украинском правительстве. Он также включен в состав (как один из двух сопредседателей — В.К.) международной группы советников, занимающихся проведением реформ на Украине». (Войцех Муха, «Газета Польска цодзенне», 23-24 апр.)
- «Две недели назад Войцех Бальчун, бывший руководитель Польской государственной железнодорожной компании «Карго», был избран главой Украинских железных дорог, компании, в которой трудится около 300 тыс. человек». («Жечпосполита», 25 апр.)
- «Министры стран ЕС на своем совещании в Люксембурге одобрили кандидатуру Януша Войцеховского для назначения его членом Европейского расчетного трибунала». («Наш дзенник», 22 апр.)
- «Кандидатура евродепутата от Пис Януша Войцеховского ранее получила отрицательную оценку Европарламента, однако Совет ЕС не принял это во внимание. «В таких ситуациях Совет обычно не учитывает мнение Европарламента, считая, что это не входит в его компетенцию. Своего представителя в Европейском расчетном трибунале назначают государства — члены ЕС, и мнение Европарламента ни к чему их не обязывает», — сообщил наш неофициальный источник в Совете ЕС». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 22 апр.)
- «Проф. Нина Пулторак, видный знаток права ЕС в Польше, ранее занимавшая должность начальника отдела европейского права Высшего административного суда, включена в состав Суда Европейского союза. Эта судебная инстанция призвана разгрузить Европейский суд. Решения Суда Европейского союза обжалуются в Европейском суде, но только по юридическим основаниям. Проф. Пулторак присоединится к Ирине Вишневской-Бялецкой, которая отправляет правосудие в ЕС с 2004 года». («Жечпосполита», 13 апр.)
- «Европейская комиссия представила свой прогноз относительно экономики и государственных финансов, подтвердивший хорошие перспективы, ожидающие нашу страну. В этом году ВВП вырастет на 3,7%, а в будущем на 3,6%. (...) Ожидается, что в этом году мы сможем без труда соответствовать Маастрихтским критериям, по крайней мере, в контексте дефицита государственных финансов, который должен составить 2,6% ВВП, зато в следующем году мы можем его ненамного превысить. По мнению экспертов комиссии, он составит 3,1% ВВП. Среди причин более высокого дефицита государственных финансов Европейская комиссия называет расходы на программу «500+», по которой государство перечисляет по 500 злотых ежемесячно на второго и каждого последующего ребенка. (...) Из-за этого государственные расходы увеличатся на 6 млрд злотых. В то же время Европейская комиссия прогнозирует, что в соответствии с законом об НДС ставки этого налога в будущем году уменьшатся на 1%, что означает уменьшение поступлений в бюджет примерно на 6 млрд злотых. Однако правительство уже приняло решение не понижать НДС». (Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 4 мая)
- «Долг, скрытый в форме пенсионных обязательств, уже приближается к 150% ВВП. (...) В будущем Управлению социального страхования придется выплатить в общей сложности 2,53 биллионов злотых. Если прибавить к этому официальный государственный долг, который к концу года должен превысить 1 биллион злотых, общая сумма нашей задолженности превышает 3,5 биллионов злотых, то есть 190% ВВП». («Жечпосполита», 28 апр.)
- «В прошлом году три российских вертолета нарушили воздушное пространство Польши. Они пролетели над границей между Калининградской областью и Варминско-Мазурским воеводством и вторглись на несколько километров вглубь нашей страны». (Сабина Треффлер, «Газета Польска цодзенне», 18 апр.)

- «Вооруженные силы, которые Россия сосредоточила в Калининградской области, а также в других районах, расположенных вдоль ее западных границ — это наступательная группировка, во много раз превышающая возможности НАТО в этом регионе», — министр национальной обороны Антоний Мацеревич. («Жечпосполита», 19 апр.)
- «Мой отец (проф. Яцек Возняковский, умер 29.11.2012 г. — В.К.) в последние годы жизни был очень встревожен. Я много путешествовала и всякий раз привозила какие-нибудь хорошие новости. (...) А он говорил: “Мир катится в пропасть, грядут страшные времена”. Я радовалась: “У Польши всё получается, (...) к нам прислушиваются в Европе. Когда говорит Польша, зал затихает. Мы становимся все более авторитетными, занимаем высокие посты, наш человек руководит бюджетом ЕС, у нас есть деньги на наше развитие. Польша расцветает”. А папа возражал: “Наступают страшные времена, вы просто не понимаете, что история циклична”. (...) Это было четыре года назад», — Ружа Тун, депутат Европейского парламента. («Газета wyborча», 9-10 апр.)

2: В тени

Оплодотворение *in vitro* — дословно «в стекле» — вывело на сцену общественной жизни нового актера. Эмбрион. Создаваемый в чашке Петри, помещаемый затем в инкубатор, в условия, имитирующие среду яичников и матки, получающий питание, аналогичное жидкостям тела женщины. Дальше следует или пересадить его в женский организм, или заморозить, чтобы не погиб. Эмбрион, в сущности, моментально сделался самостоятельной фигурой, заняв центральное место в дискуссиях на тему репродуктивной медицины. Настолько самостоятельной, что кое-кто даже предлагает наделить его правами гражданина. Гражданки же, создательницы и владелицы эмбрионов — это или мужественные матери-воительницы, победившие болезнь, или эгоистичные карьеристки, желающие уподобить путь к материнству походу в супермаркет. Примерно так выглядит неоднозначный портрет женщины, прибегающей к услугам репродуктивной медицины, каким его рисует дискуссия в польском обществе. Портрет женщины в тени эмбриона.

Магда

Я прошла через три неудачные попытки *in vitro* и три криопереноса, то есть подсадки ранее замороженного эмбриона. Был момент, когда лекарства в холодильнике занимали две полки. Мы с мужем садились за стол, открывали наш арсенал и принимались за работу. Дозы разные, мы наполняли шприцы, подсчитывали, проверяли, все это занимало сорок минут.

Первый этап гормональной стимуляции заключается в подавлении продукции собственных гормонов, стимулирующих работу яичников, то есть имитации своего рода короткой менопаузы. В первый раз у меня были ужасные мигрени и тошнота. Во второй все остановилось на два месяца — что-то не сработало. Затем — прием лекарств, вызывающих овуляцию. От них я распухала, живот болел, брюки застегнуть невозможно — так распирало. Отекали ноги, туфли на каблуках было не надеть. От этого лечения перестаешь чувствовать себя женщиной. Продолжение рода ассоциируется с сексом, а процедура *in vitro* — ни капельки. Теоретически сексом заниматься можно, но ты или ужасно себя чувствуешь, или нужно вот-вот делать посев, или ждешь пункции. В этих постоянных запретах хорошего мало. К тому же еще приступы плаксивости и раздражительность, вызванные гормональными перепадами.

После первой процедуры *in vitro* я забеременела, но вскоре случился выкидыш. После второй — то же самое. Я решила пройти иммунологическое обследование. Врач сказал, что у меня нет никаких шансов забеременеть, а уж тем более выносить ребенка. Но раз есть замороженные эмбрионы, нужно их подсадить, и единственное, что может помочь, — капельницы иммуноглобулина плюс иммунизация лимфоцитами мужа. Я готовилась с января до июля. Каждый месяц — инъекции лимфоцитов и противовоспалительная терапия, поскольку были выявлены скрытые воспалительные процессы, плюс бесконечные биопсии матки, да еще антибиотики. Подсадку сделали во время вливания, капельница продолжалась два часа, стоила пять тысяч семьсот злотых. Моего врача в этот момент не было на месте. Вернувшись, он спросил, почему взяли самые слабые эмбрионы. Самые слабые! А ведь собирались взять самые сильные! У меня была истерика.

Но я попробовала снова, поскольку оставался еще один эмбрион. Вскоре после пересадки сделала тест, он показал положительный результат. Я поехала к иммунологу, тот прописал очередную капельницу. Муж приехал заплатить карточкой, хотя был против. Показатель бета-ХЧГ оказался низкий, а через два дня упал совсем. Тут мне уже понадобился психиатр. Мало того, что опять не вышло, меня мучили жуткие угрызения совести, что я сделала эту капельницу. Врач прописал таблетки, но я обошлась без них, сама взяла себя в руки. Много месяцев я принимала Энкортон, стероид, который снижает иммунитет, чтобы организм не отторгал эмбрион. Я от этого препарата очень поправилась, отекала, лицо стало похоже на полную луну. К тому же возникли проблемы со здоровьем. Я подвернула ногу и целый месяц с ней маялась. Врач сказал, что, возможно, это побочные от Энкортона. Кроме того началась гипертония, так что я — со своими костылями — бегала по кардиологам. Чтобы уж совсем было весело — устарели результаты анализов, так что пришлось делать новые;

мне казалось, что я просто не вылезаю из клиники. Это стало отражаться на работе, я не могла сосредоточиться на сто процентов, даже половины не делала того, что нужно. Я начальник, что-то могу поручить другим сотрудникам, но все равно должна отслеживать процесс в целом. В результате в конце года выплаты мне сократили вдвое. Я, впрочем, не удивляюсь, сама поступила бы так же.

После этого третьего неудачного криопереноса начались месячные, и мне в голову пришла шальная мысль — поехать в Белосток, в клинику. Мы поехали. Врач посмотрел результаты обследования, осмотрел меня и говорит: «А я бы сегодня сделал. Да, в некотором смысле это безумие, теоретически нужно время, чтобы настроиться, и потом — придется здесь торчать во время праздников, но я чувствую, что сейчас подходящий момент». И тут мой муж, который не любит действовать спонтанно и необдуманно, отвечает: «Ок, мы готовы». Я просто дар речи потеряла, на календаре — 15 декабря, но согласилась. Доктор предупредил, что получится дороже, потому что он пользуется другими лекарствами, в частности, гормоном роста, имеющим несколько скандальную репутацию, но в США его применяют. А я подумала: терять нечего, там три укола надо было сделать, если это может помочь, я готова на все.

Рождественские каникулы мы провели, катаясь из Варшавы в Белосток и обратно. В первый день Рождества сделали пункцию, у меня взяли четырнадцать яйцеклеток, из них получилось семь эмбрионов, выжили два, один заморозили. Подсадка была на Новый год. На следующий день после Крещения я вся отекала, плохо себя чувствовала, тошнота. В больнице диагностировали синдром гиперстимуляции яичников, то есть тяжелое осложнение после гормональной стимуляции, но отпустили домой. На завтра я потеряла сознание в ванной, родители отвезли меня в больницу на Белянах, где сказали, что состояние тяжелое. Делали декомпрессию, вживую, шприцом откачивали из живота жидкость, и в плевре тоже оказалась жидкость, мне давали кислород. У мужа и мамы были красные глаза, я не понимала, почему. Меня интересовало одно: растет ли показатель бета-ХЧГ. Я совершенно не осознавала, как все это опасно.

Но — получилось. Срок у меня — через две недели.

Сама удивляюсь, как я не спятила. Это страшно сложный путь, нужна шкура носорога, чтобы все выдержать. У некоторых получается с первого раза, но для большинства женщин это означает: лапароскопии, гистероскопии, кисты, неудачные криопереносы, выкидыши.

После того, через что я прошла, мне не хочется пробовать снова. Но у нас остался эмбрион. Когда человек так хочет ребенка, каждый эмбрион — надежда, трудно потом взять и просто отказаться от него. Религия тут, в общем, ни при чем. Я, впрочем, рассказала на исповеди, что делала *in vitro*. Священник сказал, что не видит проблемы: раз я больна, значит, должна лечиться, исповедоваться в этом незачем. — А как же вероучение? — спросила я. Он ответил: «Я помню времена, когда смертным грехом считалась пересадка органов, но теперь все по-другому». И я успокоилась. Я глубоко верю, что когда-нибудь Церковь изменит свое отношение к этому вопросу.

Кася

In vitro не означает автоматически — ребенок. Если бы мне сказали, что на пятнадцатый раз наступит беременность и родится здоровый малыш, я бы ждала и терпеливо повторяла попытки. А так — живешь надеждой: может, в следующий раз, может, теперь? Некоторые девушки пробуют *in vitro* в шестой раз, в восьмой. Должны быть какие-то границы. Это сказывается на здоровье. Я, например, боюсь, потому что сейчас все в порядке, но кто знает, не появятся ли через несколько лет какие-нибудь осложнения — после этих гормонов, пункций яичников.

Когда растут фолликулы, испытываешь огромный дискомфорт, словно распухаешь изнутри, под конец даже пописать нормально не получается. Болят яичники, низ живота, дикая раздражительность, гормоны доводят до иступления. Трудно сосредоточиться на работе. Я живу в четырехстах километрах от клиники, так что, хочешь не хочешь, с девятого дня цикла и до подсадки эмбриона приходится брать больничный или отпуск. Да еще следить за приемом всех этих таблеток, за инъекциями. Я принимала столько добавок и витаминов, что начались проблемы с желудком.

Иногда мне приходит в голову, что мы проводим в клиниках лучшие годы брака. Мне тридцать три года, мы с мужем повторяем попытки уже шесть лет, из них три — с помощью врачей. Результаты обследований отличные, а ребенка все нет. Один раз я забеременела, но случился выкидыш. Я сейчас расплачусь...

Как-то я выставила мужа за дверь, он три дня прожил у мамы, потом я пошла к врачу, оказалось, что результаты хорошие, и я уговорила его вернуться — на следующий день можно было делать инсеминацию. Такие вот перепады настроения. Когда я первый раз проверяла уровень бета-ХЧГ, чуть с ума не сошла. В день, когда должны были стать известны результаты, то плакала, то кричала. Не сумела войти в систему — руки так тряслись, что я даже пароль не могла ввести, пришлось звать мужа. После выкидыша орала, что успокаивающие таблетки не действуют. Вернувшись вечером из Белостока после криопереноса, разложила все купленные лекарства и легла спать, потому что жутко устала. Муж вернулся после третьей смены, увидел все это и стал меня будить — решил, что я чего-то наглоталась. Только тогда я поняла, как ему тяжело. Передо мной он старался казаться сильным, но на самом деле был в ужасе.

Я превратилась в тень той классной и веселой девчонки, какой была раньше. Не было выходных, чтобы мы куда-

нибудь не пошли или не поехали. После всех этих попыток я замкнулась в себе. Стала скучной, грустной.

Утратила радость жизни.

Порой я впадаю в панику — в буквальном смысле в панику, начинаю плакать, волосы на себе рвать — а вдруг вообще не получится? Я не представляю себе жизни без ребенка. Вроде бы эти шесть лет я как-то без него живу, как-то функционирую, на работу хожу. Но страшно боюсь того момента, когда придется сказать себе: «Всё, хватит».

Марта

Я прошла целиком три процедуры ИМСИИ^{нтрацитоплазматическая инъекция сперматозоида}, то есть инъекции в яйцеклетку сперматозоида, исследованного под огромным увеличением. После первой у нас получилось пять эмбрионов, я забеременела, но на седьмой неделе была замершая беременность. После второй процедуры — три эмбриона, в результате родилась наша дочка. За оставшимся замороженным эмбрионом мы вернулись через два года, опять беременность, но, к сожалению, короткая, до восьмой недели. В результате третьей процедуры вот-вот родится Зося.

Остались четыре замороженных бластоцисты, что оказалось для нас сюрпризом — неожиданный результат, учитывая нашу личную статистику.

Я вполне готова иметь третьего ребенка, думаю, что Якуб тоже. Может, я попробую сделать криоперенос раз, другой, третий, родится еще один ребенок, и с этой проблемой будет покончено. А может, получится забеременеть с первой попытки, и у нас останутся три эмбриона. Тогда принять решение будет сложнее.

У меня на это такой взгляд... «средний». С одной стороны, я воспринимаю эти эмбрионы как своих потенциальных детей, то есть потенциальных братьев и сестер Юлии и Зоси, и не представляю себе, чтобы я могла от них отказаться. Я абсолютно ничего не имею против донорства, полностью одобряю, но сама пока на это не готова. Отдать их на усыновление и не думать потом, что где-то по свету ходит мой генетический ребенок, брат или сестра моих детей? Но уничтожить — это мне тоже не очень нравится. Я бы предпочла что-нибудь среднее, если тут вообще можно говорить о более или менее предпочтительных вариантах. Но в Польше такая возможность практически отсутствует. Я имею в виду передачу эмбрионов для научных целей. Не знаю, может, дело в той цели, которой, в моем представлении, они бы тогда служили, всерьез я еще не задумывалась, слишком рано. Мне кажется, это более разумно, чем уничтожать их. Может, благодаря этому кто-нибудь станет мамой, папой?

Но зато у меня есть ощущение, что можно не торопиться. Может, я захочу забеременеть в третий раз и даже в четвертый? Мне не придется бояться позднего материнства, потому что эти эмбрионы — из генетического материала тридцатипятилетней женщины.

Когда эмбрион становится ребенком? Для меня он сперва становится беременностью. Может, это ужасно, но я это так ощущаю. Сначала огромная надежда, потом беременность, и лишь потом, когда немного отступает чудовищный страх, эмбрион постепенно становится ребенком. Страх — защитный механизм женщины, пережившей два выкидыша.

Вопросы религии нас не беспокоят. Наш ребенок крещен, у нас церковный брак, но с Церковью мы разошлись. Я помню, как епископ Перонек назвал детей *in vitro* реализацией идеи Франкенштейна, меня это потрясло, потому что я считала его умным человеком. Когда я прихожу в храм — на чьи-нибудь крестины или венчание — то думаю, что нахожусь там, где меня считают плохим человеком. То есть вошла туда, куда мне входить не следует, раз там на меня плюют и говорят обо мне всякие глупости, оскорбляют моего ребенка. А я, вместо того, чтобы протестовать, вежливо молчу. Я созрела до того, что если священник во время службы скажет что-нибудь возмутительное о *in vitro*, я хлопну дверью и уйду. Знаю, что близка к психозу, но я довольно жестко разделяю Бога и Церковь. К тому же я сама до конца не понимаю, что теперь думаю об этом Боге, но у меня еще есть время, все впереди.

Родные — практикующие католики — очень за нас переживали. Юлия знает, что появиться на свет ей помог доктор, который взял семечко папы и яичко мамы и соединил их. Ей пять лет, и я не хочу, чтобы она ходила на занятия по религии в детском саду. Я боюсь, что ее там обидят, мне кажется, она еще слишком маленькая, чтобы защищаться.

*

Польша, лето 2014 года, законодательно процедуры репродуктивной медицины по-прежнему не регулируются. — Если бы я лечилась в вашей клинике и по какой-либо причине не захотела бы продолжать — например, потому что уже родила троих детей и на большее не способна физически и психически, но не готова отдать оставшиеся эмбрионы на усыновление, я могу попросить их уничтожить? — расспрашиваю я специалистов в польских клиниках.

— Нет, — отвечает профессор Кучинский, директор и владелец Криобанка.

— Нет, — отвечает профессор Лукашук, директор и владелец клиники «Инвикта».

— Нет, — отвечает Малгожата Вуйт, эмбриолог из медицинского центра «Сальве Медика».

В этих трех клиниках, как и во многих других, пациентка подписывает договор, согласно которому обязуется оплачивать хранение замороженных эмбрионов, а в случае если она перестанет это делать, клиника имеет право отдать эмбрионы на пренатальное усыновление. Пациентки, особенно те, кто лечился до появления подобных договоров, очень часто выбирали третий вариант: перестаю платить и «исчезаю». Или четвертый: мол, собираюсь передать эмбрионы в другую клинику, а что на самом деле я с ними сделаю — никого не касается. Или пятый: «Недавно у меня была пациентка, которая попросила подсадить ей эмбрионы во время безовуляционного цикла и без необходимого в таком случае использования прогестерона. Она знала, что у эмбрионов нет шансов, но не могла сама ни отказаться от них, ни уничтожить», — рассказывает Малгожата Вуйт.

— В настоящее время все склоняются к тому, чтобы ограничить количество создаваемых эмбрионов. Министерская программа, с 2013 года финансирующая лечение бесплодия, над которой я работал семь лет, вводит ограничение количества оплодотворяемых яйцеклеток до шести для молодых пациенток с полностью сохраненными репродуктивными функциями. У пациенток старшего возраста, а также при третьей попытке лечения можно оплодотворить больше клеток и получить больше эмбрионов, которые затем замораживаются, — рассказывает профессор Кучинский, член правления Секции репродукции и бесплодия Польского гинекологического общества и заместитель председателя Польского общества репродуктивной медицины.

— Как Вы полагаете, господин профессор, не должен ли в светском государстве человек иметь право уничтожить свои эмбрионы? В новом проекте закона есть пункт о наказуемости такого уничтожения.

— Я считаю, что нет, не должен. Мы ведь создаем новую жизнь. Как мне кажется, в Польше никто сознательно не уничтожает эмбрионы, потому что за это грозит уголовная ответственность. Когда-то в интервью одной газете я рассказал, что пациентка, которая использует чужой усыновляемый эмбрион, платит лишь за процедуру его пересадки, точно так же, как пациентка, которой подсаживают ее собственный замороженный эмбрион. Мы не берем денег за человеческие эмбрионы, переданные на усыновление. Я хотел публично заявить о прозрачности этой процедуры, а меня обвинили в торговле людьми. Да-да, какое-то общество охраны жизни обвило меня именно в торговле людьми. И это обвинение, несмотря на всю свою абсурдность, влечет за собой определенные последствия. Полиция должна провести расследование, меня вызывают на допросы, что весьма неприятно. Я привел этот пример, чтобы показать, насколько тонкий вопрос вы затронули. Имея многолетний опыт работы в клинике лечения бесплодия, я считаю, что в польских условиях следует сохранить запрет на уничтожение эмбрионов или, во всяком случае, обеспечить им максимальную защиту.

С вопросом о праве на уничтожение собственных эмбрионов я иду к юристу, профессору Элеоноре Зелинской.

— Могу ли я, согласно польским законам, уничтожить свои эмбрионы?

— На данный момент юридически эта ситуация не урегулирована, так что практически такая возможность существует. Уголовный кодекс говорит об эмбрионе, находящемся в организме женщины, в этом случае существует запрет на его уничтожение путем прерывания беременности. Однако нет закона, который бы трактовал как убийство уничтожение эмбриона, находящегося вне организма женщины.

Профессор Элеонора Зелинская — одна из немногих, кто открыто говорит о том, что количество финансируемых государством процедур *in vitro* должно быть ограничено, поскольку они подрывают женское здоровье. К репродуктивной медицине профессор относится критически: нередко получается так, что та просто вынуждает женщину к размножению. Свое мнение Зелинская аргументирует тем, что является феминисткой.

А что думают о репродуктивной медицине феминистки?

*

Одной из первых феминисток, высказавшихся на эту тему, была Шуламит Файрстоун. В развитии эмбриологии она видела надежду на освобождение женщин от репродукции, в которой усматривала причину социального и экономического неравенства. В книге, изданной в 1970 году, то есть за восемь лет до рождения первого ребенка *in vitro*, Файрстоун выдвинула предположение, что инструментом, который освободит женщин и произведет революцию, станет искусственная матка. Этот прогноз не оправдался совершенно. Со временем оказалось, что репродуктивная медицина может действовать в противоположном направлении. Давая новые возможности иметь ребенка, она поддерживает и укрепляет роль женщины как матери, готовой на любые жертвы, чтобы реализовать свое предназначение. То есть буквально то, с чем феминистки тогда боролись. Они добивались права на отказ от репродукции, права на контрацепцию, аборты, реализацию профессиональных планов.

Взгляд на материнство, в том числе осуществляемое благодаря репродуктивной медицине, изменился в эпоху феминизма третьей волны, который делает акцент на дифференциацию опыта и жизненных целей разных женщин. Включая тех, кто хочет иметь ребенка и быть матерью.

Некоторые феминистки полагают, что суррогатное материнство и донорство яйцеклеток представляет для женщины угрозу. Во многих государствах Западной Европы считается, что человеческая жизнь не должна подвергаться коммерциализации, а следовательно донорство гамет и суррогатное материнство возможны только

в рамках бескорыстной помощи с компенсацией затрат. В результате жители таких государств, как Великобритания или Швеция, ездят в Восточную Европу, где коммерческое донорство гамет разрешено, то есть в страны, не достигшие подобного уровня нравственного сознания. Нельзя не заметить, что коммерциализация донорства и суррогатного материнства обрекает на эксплуатацию женщин, находящихся в тяжелом финансовом положении. Либеральные феминистки возразят, что женщина сама делает выбор и имеет на это полное право. Подобным образом обстоит дело с дискуссией о проституции. Нельзя исключать добровольное желание женщины и нельзя априори трактовать ее как пассивную жертву, даже если она принимает решение работать в той сфере, где возможны торговля людьми и сексуальное насилие. Параллель с проституцией тем более уместна, что иные феминистки сравнивали суррогатных матерей с проститутками, утверждая, что они точно так же торгуют своим телом.

В 2002 году антрополог Майкл Нахман провела исследования в бухарестской клинике, которая получает яйцеклетки от доноров для израильских пациенток. Женщины, которых она опрашивала, мотивировали свои действия, в основном, финансовыми проблемами. Оплата, которую они получали за донорство — двести долларов — многократно превосходила их заработки и позволяла отдать долги, отремонтировать квартиру, оплатить образование, купить необходимые вещи. Некоторые женщины после первой процедуры обещали себе, что больше не станут этим заниматься. Но возвращались, потому что снова нуждались в деньгах. Нахман далека от того, чтобы называть их пассивными жертвами эксплуатации, хотя ситуация, при которой женское тело за деньги подвергают стимуляции и берут из него генетический материал, представляется исследовательнице этически некорректной. Вопрос, следует ли обществу запретить такие действия, остается открытым и — как полагает Нахман — должен рассматриваться в контексте социально-экономической системы, которая привела к создавшемуся положению, а не в контексте индивидуальных решений, которые могут повышать у женщины самооценку и давать чувство удовлетворения собственной предприимчивостью.

Антрополог Сара Франклин, специализирующаяся в области репродуктивной медицины, обращает внимание на то, через что проходит женщина в процессе лечения бесплодия. Бесконечные визиты к врачу, обследования, подготовка, перепады настроения — в результате процедуры *in vitro* подчиняют себе все существование и становятся образом жизни. Помимо физической и психической нагрузки на организм появляется иллюзия, что ты действуешь, что ты способна влиять на свою жизнь, появляется внутренний императив: повторять попытки снова и снова. Несмотря на неудачи, являющиеся неотъемлемой частью *in vitro*, женщины не останавливаются, чтобы потом иметь возможность сказать себе: я сделала все, что могла. Это, в свою очередь, превращается в ловушку, ведь никогда не известно — а вдруг в следующий раз бы наконец получилось? Отсюда ощущение, что существование репродуктивной медицины в определенном смысле оборачивается для женщины проклятием. А что говорят феминистки в Польше? Польские феминистки молчат. Антрополог Магдалена Радковская-Валькович высказывает очень здравое суждение: причина такого положения дел — опасение, что любая критика *in vitro* автоматически льет воду на мельницу правых. Хотя отдельные голоса все же раздаются. Эльжбета Корольчук, которую цитирует Радковская-Валькович, спрашивает: «Если [...] бесплодие — это болезнь, разве лечение не является долгом каждого больного? Не станет ли финансирование *in vitro* — особенно если не ввести ограничение на количество циклов — орудием давления на женщину, которой вменяют в обязанность пытаться забеременеть до победного конца?» Это поле грандиозных идеологических битв скрывает частное поле битв женских. Женщины — вместе со своими партнерами, партнершами или в одиночестве — принимают решения. Ищут ответы на возникающие вопросы: в какой момент зарождается человеческая жизнь, этично ли пользоваться преимплантационной диагностикой, что делать с замороженными эмбрионами, как относиться к усыновлению эмбрионов, следует ли отдать яйцеклетки другой женщине. Они — пионерки в области этики, хотя они того или не хотят.

Из книги «Nie przeproszę, że urodziłam. Historie rodzin z in vitro». Czarne. Wołowiec 2015. Шорт-лист премии им. Рышарда Капустинского.

3: Украинцы очень доброжелательны

— *Какой будет ваша роль в правительстве Украины?*

— В последние месяцы я без лишней огласки несколько раз беседовал с Петром Порошенко и побывал на Украине. С самого начала я считал, что премьер-министром Украины обязательно должен быть гражданин этой страны. И порекомендовал создать группу стратегических советников для властей — не только для

правительства и президента. На последнем этапе переговоров я предложил Ивану Миклошу ^{Иван Миклош (р. 1960)} — словацкий политик украинского происхождения, вице-премьер и министр экономики в 1998–2002 гг., вице-премьер и министр финансов в 2002–2006 и 2010–2012 гг., бывшему вице-премьеру Словакии, чтобы тот стал сопредседателем указанной группы. Я очень высоко ценю его за реформы, которые он провел в своей стране. Миклош на протяжении двух лет дает советы украинскому министерству финансов. В последнюю пятницу своего пребывания в Киеве я окончательно договорился с президентом Порошенко о роли и позиции этого коллектива стратегических советников. Я заинтересован в том, чтобы он с самого начала участвовал в процессе принятия решений, а не только высказывал свое мнение о готовых законодательных проектах. Когда я работал в нескольких польских правительствах, мне очень везло с сотрудниками. И у меня есть уверенность, что в Киеве команда советников тоже будет превосходной. Моей правой рукой станет Ежи Миллер ^{Ежи Миллер (р. 1952)} был в 1998–2003 гг. одним из ближайших сотрудников Л. Бальцеровича, когда тот возглавлял министерство финансов Польши, а затем Национальный банк страны, которого я знаю много лет. Это выдающийся государственный чиновник высшего уровня, человек с огромным опытом. В эту группу согласился войти также Мирослав Чех ^{Мирослав Чех (р. 1962)} — польский политик и журналист украинского происхождения, который являет собой живое связующее звено между Польшей и Украиной. Разговаривал я и с другими. Несколько советников предложил Иван Миклош. В составе названной группы окажутся также люди с Украины. В этой стране тоже есть очень хорошие специалисты.

— ***Но вы ведь будете не только советником, но еще и представителем президента в правительстве.***

— Представителем, но не членом правительства. Меня попросил об этом Порошенко. Я согласился при условии, что моим заместителем станет Ежи Миллер. У меня нет намерения переезжать на Украину, так как и в Польше есть много такого, что нужно сделать. Хочу бывать в Киеве по меньшей мере раз в две недели, а общаться при помощи интернета я ведь могу и из Варшавы.

— ***Вы не опасаетесь поражения? Министр экономики Айварас Абромавичус, родом из Литвы, отказался работать на украинское правительство.***

— Все важные задачи сопряжены с риском. Если кто-то боится рисковать, он за них не возьмется. Но это не соответствует моей жизненной философии. Я согласился по очевидным причинам. Успех демократической Украины весьма важен для сохранения того порядка в нашем регионе, который возник после распада Советского Союза. Президент России Владимир Путин ни о чем так не мечтает, как о катастрофическом поражении Киева. Из всех лидеров Украины, с которыми я имел возможность познакомиться — а я езжу туда с 1992 г., — Порошенко производит на меня безусловно наиболее благоприятное впечатление.

— ***Убеждены ли украинские политики в необходимости реформ?***

— Многие — да. Важно, чтобы в парламенте имелось поддерживающее реформы стабильное большинство. Это задача президента и премьер-министра. Я могу только советовать, что надлежит сделать. Помимо этого, во время моих визитов на Украину я встречался с лидерами всех партий. У них о польских реформах безусловно куда лучшее мнение, чем, например, у нынешнего министра юстиции Польши Збигнева Зебро. Важны также встречи со средствами массовой информации. Украинские СМИ в противоположность российским весьма плюралистичны, а также настроены критически по отношению к политикам и действиям правительства. Журналисты, разговаривая со мной, обычно ждут, что я подвергну тотальной критике то, что происходит в их стране.

— ***Заслуживают ли украинские политики суровой критики?***

— Украина после создания независимого государства запоздала с проведением радикальных рыночных реформ. Поэтому возникающая там экономика является — в отличие от польской — смешанной, частично рыночной, но с большим вмешательством государства и влиянием олигархов.

— ***Широко распространено мнение, что их влияние отнюдь не ослабло и что эти люди тормозят реформы, которые нанесли бы удар по их интересам.***

— Не следует каждого крупного предпринимателя называть олигархом. Олигарх — это тот, кто нажил свое богатство благодаря политическим связям. Я был очень разочарован тем, что происходило на Украине после оранжевой революции. Считаю, что основная вина ложится на плечи Виктора Ющенко, который, получив пост президента, главным образом был занят борьбой с Юлией Тимошенко. Его преемник Виктор Янукович в первые месяцы старался проводить какие-то реформы, повысил, к примеру, пенсионный возраст, который был необычайно низким, но потом его больше интересовало наращивание своего имущества, а в последний момент он вдруг резко отвернулся от Европы.

— ***Как сегодня себя чувствует экономика и народное хозяйство Украины?***

— Ситуация, которую унаследовали новые власти, была настолько трудной, что не существовало никакой возможности избежать глубокого экономического спада; к этому добавилась агрессия России, военная и экономическая (если бы Германия воздержалась от импорта товаров из Польши, мы тоже получили бы глубокий спад). Правительство в течение последних двух лет не смогло провести все нужные реформы, но вместе с тем у него имелись и большие успехи. Например, удалось спасти страну от бюджетной катастрофы. В 2014 г. бюджетный дефицит превышал 10% ВВП, в 2015 г. этот показатель упал до 2–3%. Причем в то же самое время

правительство решительным образом увеличило расходы на оборону; а армия создавалась там в принципе чуть ли не с нуля. Украинские власти избежали также краха банковской системы, и в этом большая заслуга нового руководства центрального банка. Не удалось, правда, избежать инфляции вследствие ослабления курса гривны, но Украина успешно перешла к свободному курсу валюты. Если бы этот курс был жестким, то наступил бы крах. Еще несколько лет назад страна ежегодно импортировала из России 44 млрд кубометров газа, в 2016 г. этот импорт будет нулевым. Если говорить об обретении энергетической независимости от России, то перед нами рекорд Европы.

— ***А как выглядит борьба с коррупцией?***

— И здесь происходит много хорошего. У наиболее коррумпированной акционерной компании «Нафтогаз Украины» появилось новое руководство. В больших городах буквально с нуля возникает новая полиция, и это рассматривается как большой успех. Я буду знать больше, когда познакомлюсь с данными, которые попросил предоставить. Хочу выяснить, где пока еще функционируют монополии, какие инспекции в наибольшей степени не дают покоя предпринимателям. Петр Порошенко, которого я считаю лучшим украинским политиком с 1991 г. — не просто патриот, он еще и отдает себе отчет в том, что его успех будет зависеть от успеха Украины.

— ***Каким образом украинцы реагируют на иностранных граждан, которые занимают высокие государственные должности или становятся советниками?***

— Я не проводил исследований на эту тему. Могу лишь сказать, что не заметил в обществе каких-либо проявлений враждебности. Напротив, я встречаюсь там с невероятной доброжелательностью. Мне также ничего не известно об украинских политиках, критикующих присутствие зарубежных советников и питающих надежду таким способом добиться поддержки народа. С точки зрения открытости по отношению к иностранцам Украина, пожалуй, опережает Польшу.

— ***Насколько я понимаю, ваша задача будет заключаться, кроме всего прочего, еще и в том, чтобы убеждать западных политиков, что у Украины есть шансы выйти из коллапса.***

— Да, но эта деятельность должна будет основываться на фактах, а не на пропаганде. Такие факты необходимо показывать, поскольку западные СМИ зачастую — то ли из лени, то ли в результате российских манипуляций — представляют ситуацию у наших соседей в слишком мрачных тонах.

— ***Есть ли шанс на ассоциацию Украины с Европейским союзом, несмотря на отклонение такой возможности на референдуме, состоявшемся в Голландии?***

— Для Европы было бы драмой, если бы решение голландцев, принятое под воздействием сильных эмоций, заблокировало большой и важной стране дорогу в ЕС. До меня доходят сигналы, что, невзирая на итоги голландского референдума, ассоциация Украины с Евросоюзом вполне может состояться. Обещана также — и это важно — отмена виз для украинцев.

4: Стихотворения

Молитва о смехе

Мне нужен смех
В это странное время —
Здоровый как
В роднике водаПусть он меня крутит
Колотит в темя
Пусть уносит
Меня тудаГде кроме хохота
Нет ничего
Мне нужен смех —
Больше всегоПусть стены дрожат
И бьются стаканы —
Быть бы вечно
От смеха пьянымНе то чтоб я был
Веселее всех
Позарез нужен смех —
Человеческий смех

Сезонный паяц

клоуна дергали за веревку
он лавировал прытко и ловко
тянули клоуна за язык
меж тем и этим он лихо скользилвесь — от мала и до велика —
клоунский клан ему рукоплескал
но стихли вдруг ликованья крики
улёгся восторгов шквалнапрасно на голове стоял он
огонь из пяток пускал
было замечено — скучен жалок
набитый дурак и бахвалто ли во времени он потерялся
то ли в пространстве замер
с новым приказом не посчитался —
«ходить по земле ногами»

* * *

он принял меня с небрежной
улыбкой в дежурной манере —
во всём деловой конечно
однако немного нервныйжаркие были денёчки
лезли на лоб глаза
а он был вроде не против
хоть и не то чтоб забыл заключён неписанный
договор между ним и мной
срок действия договора
он тут же закрыл рукойвот я и спешу вслепую
наугад закорючки ставлю —
как бы любая буква
последней не оказалась

Урок на пленере

— война в природе человека
просто она дремлет —
заявил инженер и магистр
в одном лицев свидетели он призвал
бесспорные авторитеты
александра македонского
наполеонагитлера помянуть не успел
у кого-то сдали нервы
и он одним ударом
выбил магистру фюрера из головы— вот видите — изрёк инженер
харкая кровью
всё же война и впрямь
в природе человека

Горят письма

Кочерга листала последние письма
Длинным носом ковырялась в пепле
Обгоревшие строчки порхали — в их трепете
Не знаю был ли ещё хоть какой-то смысл«...только — пожалуйста — приди на вокзал...»
А вокзал был уже обуглен до крайней платформы
Час прибытия поезда догорал
Клочья писем взмывали в небо как ангелы чёрныеА наутро так и не прочитанные слова
Ещё кружились хлопьями чёрного снега
Кочерга пыталась из них что-то вычитать но едва

Различая буквы лишь таращилась слепо«...только — пожалуйста — приди на вокзал...»
А зачем — было уже никому не известно
Расписание стало золой поезд как факел пылал
Одна кочерга держалась прямо и честно

Две стороны медали

мне жаль
обратной стороны медали
она хоть и ближе
к груди владельца
но при этом всегда в тени
можно сказать в подполье
вечно играет в жмурки
с толпойлицевая
чистым золотом щерится
все торжества наблюдает
своими глазами
обратную же лишь владелец
золой или мелом
чиститпарадная лицевая
почести принимает
ласкают ее взоры дам
речи льстецов
нет-нет да и хозяин погладит
она ведь ему так вернаа вот про другую — реверс —
никто и не вспоминает
может поэтому я сперва
разглядываю любую медаль
с обратной стороны

Петух на крыше

у меня на крыше
сидит петька пьяный
залил zenки кровью
и поёт пеаныдескать видел-слышал
мол вообще-то стоит
надо бы а как же
ну конечно строятох и травит душу
за крыло хватает
а в глаза-то смотрит
гребень раздувадно к счастью пока что
я ему хозяин
долго не протянет
коль вконец достанет

Наш горький счёт

кто увел нас в эти скитанья
кто нам хрупкие весла выдал
кто пустил нас по мутным волнам
кто так странно курс проложилс кем нам вместе в пути держаться
кто тут кормчий а кто наш брат
в каком порту бросить якорь
чтоб найти крупицу ответакому верить кого бояться
где искать себя где находить

лютый холод, палуба — льдина
слепая палатка набита
вопросами без ответов

Что-то висит в воздухе

Что-то висит в воздухе
Говорили по радио
Что-то висит в воздухе
И с этим никак не сладить
Что-то висит в воздухе
Сосед бросил строить дом
Что-то висит в воздухе
Но лучше молчи о том
Может уже устал
Наш двадцать первый век
А может быть просто так —
Этот отчаянный смех
Что-то висит в воздухе
Кто-то чует это нутром
Что-то висит в воздухе
Скоро и мы поймем
Что-то висит в воздухе
Соседка бледна как горе
Что-то висит в воздухе
А дверь уже на запоре
Может просто устал
Наш двадцать первый век
А может это уже знак —
Лебединой песни свет

На пороге осень

Не подливай
масла в огонь
огню ведь только
и надо этого
Не подливай
масла в огонь
на пороге осень
кончается лето
Небо вспыхнет
и вся земля
осенним огнём
запыляет тоже
Ты станешь
облаком белым
а я
камнем придорожным

Адам Земянин (род. 1948), поэт, автор слов к песням, прозаик.